

Семенова Н. Л. Судебные полномочия и функции военных и гражданских губернаторов Оренбургской губернии в конце XVIII — первой трети XIX веков / Н. Л. Семенова // Научный диалог. — 2018. — № 5. — С. 234—244. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-5-234-244.

Semenova, N. L. (2018). Judicial Powers and Functions of Military and Civil Governors of Orenburg Governorate in Late 18th — First Third of 19th Century. *Nauchnyy dialog*, 5: 234-244. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-5-234-244. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 94(470.56)“18/19”

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-5-234-244

Судебные полномочия и функции военных и гражданских губернаторов Оренбургской губернии в конце XVIII — первой трети XIX веков¹

© Семенова Наталья Леонидовна (2018), orcid.org/0000-0001-9201-3842, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и методики преподавания истории, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета (Стерлитамак, Россия), natalja_leonid@mail.ru.

Статья посвящена анализу судебных функций военных и гражданских губернаторов Оренбургской губернии в конце XVIII — первой трети XIX веков. Новизна исследования определяется введением в научный оборот новых материалов делопроизводства, которые характеризуют судебную практику оренбургских военных и гражданских губернаторов. Особое внимание автор уделит проблеме законодательного разграничения судебных полномочий военных и гражданских губернаторов Оренбургской губернии, которое было завершено к началу 1820-х годов. Показано, что модель судебной системы, сложившаяся в Оренбургской губернии в конце XVIII — первой трети XIX веков, имела ряд особенностей, связанных с наличием власти военного и гражданского губернаторов, а также значительной долей коренного нерусского населения. Особое внимание уделяется решению судебных дел в отношении башкирского и мишарского населения, которые были связаны с нарядами на службу, уголовными преступлениями, совершаемыми во время службы, злоупотреблениями чиновников. Показано, что военный и гражданский губернаторы не могли изменить решения судебных органов губернии. Автор приходит к выводу о том, что судебные функции занимали значительное место в деятельности высшей администрации края.

1 Статья подготовлена в рамках исследовательского гранта Стерлитамакского филиала БашГУ (проект № В18-123).

и обеспечивали достаточно эффективную реализацию законодательства Екатерины II и Александра I.

Ключевые слова: военный губернатор; гражданский губернатор; Оренбургская губерния; уголовная палата; Сенат; законодательство.

1. Введение

В ходе административно-судебных преобразований Екатерины II в 1775—1780 годах была предпринята попытка установить в Российской империи единообразную, иерархичную систему судебных инстанций, отделить суд от администрации, уголовный суд от гражданского. Однако задачи реформы были решены лишь частично. Как отмечают исследователи, была учреждена более «прогрессивная модель судоустройства», но это не привело к созданию единой судебной системы, основанной на «либерально-демократических гуманистических началах» [Ефремова, 2007, с. 210]. Еще в дореволюционной историографии утвердился тезис о том, что «Учреждение» только на словах отделило суд от администрации в губерниях и не привело к разделению властей на местах [Блинов, 1905, с. 221]. Право генерал-губернатора утверждать уголовные приговоры оценивалось как его прямое вмешательство в судебную деятельность.

В работах современных историков появились новые темы и оценки роли губернской администрации в рассмотрении судебных дел. Так, В. А. Воропанов в рамках изучения регионального фактора становления судебной системы Российской империи на Урале и в Западной Сибири в последней трети XVIII — первой половине XIX веков пришел к выводу, что реальное участие губернской администрации в порядок вступления тысяч судебных решений в законную силу было невелико [Воропанов, 2011, с. 252].

Исследователь В. В. Ефимова на основе анализа судебных функций архангельских, вологодских и олонекских генерал-губернаторов в 1820—1830-е годы убедительно доказала, что на практике они могли остановить любое несправедливое решение судебных мест, но изменить его они не могли [Ефимова, 2012, с. 21]. Как полагает В. В. Ефимова, генерал-губернатор был призван обеспечить «справедливый» уголовный приговор, который уходил своими корнями в естественно-правовую теорию [Ефимова, 2012, с. 21].

Целью данной статьи является анализ судебных функций военных и гражданских губернаторов Оренбургской губернии в конце XVIII — первой трети XIX веков. Предметное поле решения данной исследовательской проблемы связано с выяснением степени практического участия военных и гражданских губернаторов в процессе судопроизводства во вверенной

губернии. Источниковую базу статьи составили законодательные акты, делопроизводственные материалы, представленные журналами заседаний оренбургского губернского правления, документами канцелярии военного губернатора, палаты уголовного суда, многие из которых впервые вводятся в научный оборот [ПСЗ I, т. 21.].

2. Законодательная база и особенности реализации судебных функций оренбургскими военными и гражданскими губернаторами в конце XVIII — первой трети XIX веков

В рассматриваемый период Оренбургская губерния представляла собой отдаленную юго-восточную окраину Российской империи, являвшуюся частью более обширного Оренбургского края, в который входили также земли уральских и оренбургских казаков, башкирские кантоны и юрты в Пермской, Вятской, Саратовской губерниях, приуральские кочевья казахов (Букеевская Орда). Специфика края нашла отражение в системе управления: во главе Оренбургской губернии находился гражданский губернатор, а во главе Оренбургского края — главный военный начальник с полномочиями генерал-губернатора.

Судебные функции генерал-губернаторов в конце XVIII — первой трети XIX веков определяло «Учреждение губерний для управления Российской империи» 1775 года. В главе IV говорилось, что государев наместник не является судьей, а осуществляет надзор над всеми подчиненными ему местами, «... но без суда не накажет никого [ПСЗ I, 1830, т. 20, № 14392]. Генерал-губернатор предупреждал «проволочку и медленность» в судебных местах, выступал как «оберегатель» законов и «ходатай за пользу общую и государеву, заступник утесненных и побудитель безгласных дел» (ст. 82). Приговоры о лишении подсудимых жизни, чести, торговой казни поступали на ревизию в палату уголовного суда, а затем — к государеву наместнику (ст. 113) [ПСЗ I, 1830, т. 20, № 14392]. Генерал-губернатор в случае неправильного рассмотрения дела в палате мог остановить его производство и донести Сенату, но отменить его он не мог (ст. 86).

Законодательство 80-х годов XVIII века — начала XIX века пыталось более четко разграничить судебные функции генерал-губернатора и губернатора [ПСЗ I, 1830, т. 21, № 15204]; [ПСЗ I, 1830, т. 26, № 19609]. Так, по именному указу, объявленному Сенату министром юстиции 7 июня 1805 года, губернское правление не могло отослать чиновников к суду или отрешить их от должности без согласия военного губернатора или генерал-губернатора [ПСЗ I, 1830, т. 28, № 21783]. Указ от 15 апреля 1803 года приравнял полномочия оренбургского военного губернатора, управляющего

гражданской частью, в отношении присутственных мест к обязанностям генерал-губернатора [ПСЗ I, 1830, т. 27, № 20713]. Однако правовая регламентация функций военных и гражданских губернаторов оставалась нечеткой, что приводило к возникновению конфликтных ситуаций.

Так, 27 марта 1800 года оренбургский гражданский губернатор действительный статский советник И. О. Курис писал в Сенат, что военный губернатор генерал-майор Н. Н. Бахметьев «...входит неограниченно и дает повеления свои повсеместно» [ГАОО, ф. 6, оп. 3, д. 473, л. 1]. И. О. Курис просил, чтобы Сенат уточнил «... о должности военного губернатора в чем она теперь состоит, дабы при таковых развлечении не потерпеть лично только и не затруднялось само дело к пользе службе государственной» [ГАОО, ф. 6, оп. 3, д. 473, л. 1 об.].

Генерал-прокурор Сената П. Х. Оболянинов предписал оренбургскому губернскому прокурору Г. П. Богинскому объяснить ситуацию, сложившуюся в губернии. Прокурор сообщил в Сенат, что военный губернатор, заведующий гражданской частью по губернии генерал-майор Н. Н. Бахметьев 27 сентября 1799 года, ввиду отставки и отъезда прежнего гражданского губернатора действительного статского советника И. М. Баратаева, приказал палате суда и расправы передавать ему на ревизию уголовные дела. Такой порядок действовал только до 7 сентября 1800 года, а затем военный губернатор предписал палате суда и расправы, чтобы она вновь «обратила их к гражданскому губернатору И. О. Курису» на ревизию [ГАОО, ф. 6, оп. 3, д. 473, л. 9].

Спорные ситуации между военным и гражданским губернаторами возникали и в связи с решением судебных вопросов среди коренного башкирского населения. Военно-служилое башкирское население Оренбургской губернии по уголовным преступлениям, по крупным спорам и тяжбам о земле подлежало компетенции гражданского суда, а по вопросам пограничной службы и всему, что с ней связано, подчинялось военному губернатору. Однако в начале XIX века местная администрация была вынуждена обращаться в Сенат за разъяснением и уточнением порядка судопроизводства. Так, 10 апреля 1800 года губернский прокурор Г. П. Богинский сообщил в Сенат, что военный губернатор генерал-майор Н. Н. Бахметьев предписал первому департаменту палаты суда и расправы «имеющиеся в оном департаменте дела по преступлениям башкир и мещеряков без решения ... отсылать военному губернатору» [ГАОО, ф. 6, оп. 3, д. 473, л. 20].

Военный губернатор генерал-майор Н. Н. Бахметьев в объяснении Сенату писал, что таким способом «...пытался разгрузить палату суда и расправы» от большого количества скопившихся дел. Он отмечал, что

согласно указу Военной коллегии от 4 ноября 1798 года башкиры и мещеряки были «присоединены к прочим казачьим войскам. Однако все казаки всегда судятся судом военным, но Башкирцев и мещеряков отдавать теперь прямо под военный суд нельзя, потому что не устроено между ними того правления, которое соответствовало бы военному как по примеру прочих казачьих войск». Поэтому, заключал военный губернатор, гражданские дела башкир и мещеряков должны пока оставаться в уездных судах, «... но в итоге дела конфирмованы бы непосредственно мною». Порядок решения спорных вопросов среди башкир был доведен до кантонных начальников [НА РБ, ф. И-2, оп. 1, д. 20, л. 20]. В августе 1804 года оренбургский военный губернатор князь Г. С. Волконский в своем «ордере» уточнил, что «личные же ссоры и маловажные преступления башкир должны быть разобраны кантонным начальником» [НА РБ, ф. 6, оп. 3, д. 153, л. 6 об.].

Исследователи судебной системы, существовавшей у башкир, подчеркивают, что она была «эклектичной» [Гибадатов, 2008, с. 25]. Это проявлялось в том, что, помимо распределения подсудности между специальными военно-кантонными и общими гражданскими судами, некоторые гражданские дела относились к компетенции местных (башкирских) и шариатских судов. Вместе с тем отдельные выводы исследователей о том, что главный начальник губернии являлся «сатрапом» и «зачастую брал на себя функции законодательной власти, выступая якобы под эгидой самого императора и приписывая себе практически неограниченные полномочия», нуждаются в уточнении [Гибадатов, 2008, с. 26].

Скорее, следует говорить о «попечительской» политике военного губернатора в отношении башкирского и мещеряцкого населения края, которая была продиктована необходимостью сохранения иррегулярных войск на Оренбургской пограничной линии [История башкирского народа, 2011, т. 4, с. 45]. Так, в инструкции, данной оренбургскому военному губернатору князю Г. С. Волконскому в 1803 году, император Александр I писал: «... просвещенное Государство руководствовать должны, ... за сим непрестанно наблюдая, чтобы ко всем тамошним азиатским народам справедливость самая строгая сохраняема была, во всех случаях; а затем должно уже будет поступать со всею твердостью к отражению покушений их...» [ПСЗ I, 1830, т. 27, № 20713].

Из-за злоупотреблений гражданских чиновников военные власти постепенно сужали сферу влияния гражданских властей в области суда. Военные губернаторы граф П. К. Сухтелен и генерал от инфантерии П. П. Эссен, возглавлявшие край в 1820—1830-е гг., считали, что «существует настоятельная необходимость преобразования и подчинения башкир военно-

му управлению <...> она вынуждается злоупотреблениями гражданских чиновников и старшин, обогащающихся за его счет» [НА РБ, ф. И-2, оп. 1, д. 10077, л. 19].

Анализ документов, поступивших в канцелярию оренбургского военного губернатора, свидетельствует о том, что, например, за 1806 год в канцелярию поступило 11 дел, связанных с разрешением спорных вопросов о башкирских землях [НА РБ, ф. И-2, оп. 1, д. 234, 238, 241, 242, 243, 245, 246, 247, 248, 250, 253]. Далее по количеству шли дела о неправильном взимании денег с башкирского населения, о притеснениях и злоупотреблениях чиновников [НА РБ, ф. И-1, оп. 1, д. 627].

При утверждении судебных решений в отношении привилегированных сословий (дворяне, чиновники, купцы), связанных с телесным наказанием, лишением чинов подсудимых, военный губернатор являлся лишь «одной из инстанций», так как он должен был высказать свое мнение по судебному решению и передать его на окончательное рассмотрение в Сенат [Ефимова, 2012, с. 5]. Так, в июле 1807 года военный губернатор князь В. С. Волконский представил в Сенат дело о лишении чинов и наказании плетьюми губернского регистратора мензелинского земского суда В. Болодурина [НА РБ, ф. И-1, оп. 1, д. 247, л. 1 об. -11]. Купец Пивоваров, его помощник Петров и волостной голова Поваренкин обвинялись в «сочинении фальшивых приказов в сборе с крестьян денег». Деньги были собраны с приписных крестьян якобы для постройки новой фабрики и конюшен для оренбургского драгунского полка в сумме 364 рубля 64 коп.

Мензелинский суд принял решение всю собранную с крестьян сумму «отдать в общество», а недостающие 4 рубля 64 коп. взыскать из имения купца Пивоварова. Было решено всех троих наказывать плетьюми «при народном собрании, дав по 70 ударов», помощника Петрова «по не молодости его, от роду имеется сорок лет, сослать в Сибирь на поселение, а Пивоварова и Болодурина отдать в солдаты». 8 июля 1809 года Сенат «...в присланном в палату указе заключил, как по рассмотрению дела сего находит решение Оренбургской палаты уголовного суда правильной» [НА РБ, ф. И-1, оп. 1, д. 247, л. 13].

Оренбургский военный губернатор мог выступить инициатором начала производства дела. Так, в марте 1825 года генерал от инфантерии П. К. Эссен составил предписание губернскому правлению «сделать рассмотрение и законное постановление о поступках чиновников Кадомцева и Шерунова» [НА РБ, ф. И-1, оп. 1, д. 627]. Имена этих двух чиновников «всплыли» при рассмотрении военно-судного дела, произведенного комиссией при Оренбургском ордонансгаузе над 76 чиновниками и башки-

рами 6-го кантона, которые обвинялись в «самовольной отлучке в 1816 г. в киргизскую степь» [НА РБ, ф. И-1, оп. 1, д. 627, л. 1-3]. По материалам дела оказалось, что чиновник оренбургской пограничной комиссии титулярный советник Шерунов «по нахождению при производстве с полковником Мистровым следствия над помянутыми подсудимыми взял с них в подарок денег 2800 рублей, из которых 800 рублей представил полковнику Мистрову, сумма эта от него по распоряжению начальства отдана в предположение дела сего киргизским старшинам». По приказу военного губернатора, оренбургский комендант Головин составил «экстракт» о поступках Кадомцева и Шерунова, на основе которого оренбургское правление передало материалы в палату уголовного суда для начала производства дела [НА РБ, ф. И-1, оп. 1, д. 627, л. 12].

В 1820-е годы российское законодательство наконец разграничило судебные функции между военным и гражданским губернаторами [ПСЗ I, 1830, т. 35, № 27253]. Указ от 18 сентября 1823 года возложил на гражданского губернатора обязанность утверждать все приговоры по уголовным делам, а военным губернаторам было предоставлено право «требовать к рассмотрению своему те только уголовные дела, кои по важности своей или по жалобам на несправедливое решение судебных мест, обратили на себя особенное их внимание» [ПСЗ I, 1830, т. 38, № 29610].

Военный губернатор осуществлял надзор за производством уголовных дел. Каждые две недели ему поступали ведомости о происшествиях в Оренбургской губернии, мемории о журналах и протоколах губернского правления и палат. В особо важных случаях военному губернатору представлялся немедленный доклад. Ежемесячно к военному губернатору поступали ведомости о решенных и нерешенных делах по всем присутственным местам губернии, в том числе палаты суда и расправы.

Так, например, по сведениям, отправленным военному губернатору генерал-майору Н. Н. Бахметьеву, к началу марта 1800 года в палате суда и расправы оставалось 197 нерешенных дел, среди них — 164 уголовных, 9 «интересных», 24 — по прошениям. За март в палату поступило 40 дел (39 уголовных, 1 «интересное»), ни одно дело не было решено до конца и исполнено, 65 дел были решены, но не исполнены (64 уголовных, 1 «интересное»), осталось в палате к началу апреля 172 нерешенных дела (139 уголовных, 9 «интересных», 24 по прошениям) [ГАОО, ф. 6, оп. 3, д. 473, л. 28].

В ведомости, представленной военному губернатору, указывались время начала дела, его содержание, отрешен или нет виновный от должности, причины, по которым дело еще не окончено. Среди причин неисполнения

дел чаще всего стояли следующие: «расспросные речи собраны, но не нужно ли чего еще неизвестно»; «следует сочинить расспросные пункты»; «объяснение не рассмотрено»; «объяснения собраны, что дальше — неизвестно» [ГАОО, ф. 6, оп. 3, д. 473, л. 29]. Эти объяснения подтверждают тот факт, что компетентность служащих в первые два десятилетия XIX века была невысокой. По данным В. А. Воропанова: в 1820-х годах в формулярных списках канцеляристов Оренбургской губернии однообразно отмечалось: «русской грамоте читать и писать знает, а другим наукам не обучался» [Воропанов, 2011, с. 331]. В связи с низкой грамотностью чиновников утверждение приговоров уголовной палаты главным начальником края приобретало особое значение.

3. Выводы

Таким образом, судебные функции оренбургских военных губернаторов в конце XVIII — первой трети XIX веков были приравнены к полномочиям генерал-губернаторов «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» 1775 года. Они сводились к надзору за точным исполнением закона, устранением медленности и волокиты в производстве дел. К началу 1820-х годов было проведено более четкое законодательное разграничение судебных полномочий военных и гражданских губернаторов Оренбургской губернии. На рассмотрение военного губернатора поступали те уголовные дела, которые имели особое значение или по которым поступили жалобы на несправедливое решение судебных мест. Кроме того, военный губернатор в обязательном порядке должен был высказать свое мнение по делам, касающимся привилегированных сословий, которые затем передавались для рассмотрения в Сенат. В остальных случаях приговоры уголовной палаты утверждали гражданский губернатор и губернское правление.

Оренбургский военный губернатор осуществлял надзор за ходом судопроизводства через систему предоставления ведомостей о решенных и нерешенных делах, меморий, отчетов и т. п. Изученные архивные материалы не упоминают ни одного случая, когда оренбургский военный губернатор изменил бы судебное решение. Самое пристальное внимание военного губернатора привлекала скорость рассмотрения судебных дел в присутственных местах.

Оренбургские военные губернаторы рассматривали судебные дела в отношении башкирского и мишарского населения, связанные с нарядами на службу, уголовными преступлениями, совершаемыми во время службы, злоупотреблениями чиновников. Крупные споры и тяжбы о земле,

уголовные преступления, совершенные не во время службы, подлежали гражданскому суду, но затем поступали на утверждение в губернское правление и к военному губернатору. Кроме того, башкиры часто обращались к военному губернатору с апелляциями по земельным вопросам. Анализ судебных функций оренбургских военных губернаторов позволяет согласиться с выводами современных исследователей о том, что практическая реализация законодательства Екатерины II и Александра I в этой области была достаточно эффективной.

Источники и принятые сокращения

1. ГАОО — *Государственный архив Оренбургской области.*
- Ф. 6. Оп. 2. Д. 1204. Сведения о решенных судебных делах Оренбургской палаты гражданского суда за 1804 год.
- Ф. 6. Оп. 3. Д. 473. Дело по обвинению оренбургского военного губернатора Н. Н. Бахметьева во вмешательстве в деятельность оренбургского гражданского губернатора И. О. Куриса. 1798—1806.
2. НА РБ — *Национальный архив Республики Башкортостан.*
- Ф. И-1. Оп. 1. Д. 247. Дело о наказании плетьюми губернского регистратора В. Баладурина, выдавшего незаконную копию с бумаг купцу Пивоварову. 1807—1809 гг.
- Ф. И-1. Оп. 1. Д. 627. Материалы о привлечении к судебной ответственности Верхнеуральского земского исправника Кадомцева и членов Оренбургской пограничной комиссии за взяточничество.
- Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1. 12. Журнал заседаний Оренбургского губернского правления. 1809 г.
- Ф. И-1. Оп. 2. Д. 20. Ордера оренбургского военного губернатора начальнику 11-го башкирского кантона о порядке сношений кантонных начальников с губернатором. 1799 г.
- Ф. И-2. Оп. 1. Д. 153. Дело по рапорту оренбургского военного губернатора кн. Г. С. Волконского, черновые материалы и подлинники сенатского указа от 24 ноября 1806 г. «О запрещении перехода башкир из Оренбургской губернии».
- Ф. И-2. Оп. 1. Д. 233, 234, 236, 238, 244, 242, 243, 245, 246, 247, 248, 250.
- Ф. И-2. Оп. 1. Д. 10077. Дело с запискою по делу о формировании башкирских полков с целью распространения между башкирами обычаев гражданской жизни.
3. ПСЗ I — *Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1.* — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. — 1830. — Т. 20. — № 14392 ; Т. 21. — № 15204. — Т. 26. — № 19609 ; Т. 27. — № 20713 ; Т. 28. — № 21783 ; Т. 35. — № 27253 ; Т. 38. — № 29610.

Литература

1. *Асфандияров А. З.* Кантонная система управления Башкирией (1798—1865 гг.) / А. З. Асфандияров. — Уфа : Китап, 2005. — 256 с.

2. Блинов И. Губернаторы : историко-юридический очерк / И. Блинов. — Санкт-Петербург : Типо-литография К. Л. Понтковского, 1905. — 360 с.
3. Воропанов В. И. Региональный фактор становления судебной системы Российской империи на Урале и в Западной Сибири (последняя треть XVIII-первая половина XIX вв.) : историко-юридическое исследование / В. И. Воропанов. — Челябинск : Челябинский институт, 2011. — 528 с.
4. Гибадатов У. И. Военно-кантонные судебные органы в Башкирском крае / У. И. Гибадатов // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. — 2008. — Т. 13, № 1. — С. 25—30.
5. Ефимова В. В. Почему генерал-губернаторы первой трети XIX в. утверждали приговоры по уголовным преступлениям [Электронный ресурс] / В. В. Ефимова // *Cahiers du monde russe*. — 2012. — 53 (1). — Режим доступа : <https://journals.openedition.org/monderusse/9366>.
6. Ефремова Н. Н. Становление и развитие судебного права в России XVIII—начало XX вв. / Н. Н. Ефремова. — Москва : Российский университет дружбы народов, 2007. — 267 с.
7. *История башкирского народа* : в 7 т. / ред. М. М. Кулшарипов. — Санкт-Петербург : Наука, 2011. — Т. 4. — 400 с.

Judicial Powers and Functions of Military and Civil Governors of Orenburg Governorate in Late 18th — First Third of 19th Century¹

© Semenova Nataliya Leonidovna (2018), orcid.org/0000-0001-9201-3842, PhD in History, associate professor, Department of Russian History and Methods of History Training, Sterlitamak branch of Bashkir State University (Sterlitamak, Russia), natalja_leonid@mail.ru.

The article is devoted to the analysis of judicial functions of military and civil governors of Orenburg governorate in the late 18th — first third of 19th century. The novelty of the research is determined by the introduction of new materials of record-keeping into scientific usage, which characterize the judicial practice of Orenburg military and civil governors. The author paid special attention to the problem of legislative differentiation of judicial powers of military and civil governors of the Orenburg governorate, which was completed by the early 1820s. It is shown that the model of the judicial system, which developed in the Orenburg governorate in the late 18th — first third of 19th century, had a number of features associated with the presence of the power of military and civil governors, as well as a significant proportion of the indigenous non-Russian population. Particular attention is paid to solving court cases against the Bashkir and Mishar population, which were associated with service orders, criminal offenses committed during the service, abuse of officials. It is shown that the military and civil governors could not change the decisions of the judicial bodies of the governorate. The author comes to the conclu-

1 The article is prepared within research grant of Sterlitamak branch of Bashkir State University (project No. B18-123)

sion that judicial functions occupied a significant place in the activities of the supreme administration of the region and provided for a sufficiently effective implementation of the legislation of Catherine II and Alexander I.

Key words: military governor; civil governor; Orenburg governorate; criminal chamber; Senate; legislation.

Material resources

GAOO — *Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti*. F. 6. Op. 2. D. 1204 . Op. 3. D. 473. (In Russ.).

NA RB — *Natsionalnyy arkhiv Respubliki Bashkortostan*. F. I-1; F. I-2. (In Russ.).

PSZ I — *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye 1*. 1830. Sankt-Peterburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. 20—38. (In Russ.).

References

Asfandiyarov, A. Z. 2005. *Kantonnaya sistema upravleniya Bashkiriei (1798—1865 gg.)*. Ufa: Kitap. (In Russ.).

Blinov, I. 1905. *Gubernatoryy: istoriko-yuridicheskiy ocherk*. Sankt-Peterburg: Tipolitografiya K. L. Pontkovskogo. (In Russ.).

Efimova, V. V. 2012. Pochemu general-gubernatory pervoy trety XIX v. utverzhдали prigovory po ugovnym prestupleniyam. *Cahiers du monde russe*, 53/1. Available at: <https://journals.openedition.org/monderusse/9366>. (In Russ.).

Efremova, N. N. 2007. *Stanovleniye i razvitiye sudebnogo prava v Rossii XVIII—nachalo XX vv.* Moskva: Rossiyskiy universitet druzhby narodov. (In Russ.).

Gibatov, U. I. 2008. Voenno-kantonnnye sudebnye organy v Bashkirskom krae. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan*, 13/1: 25—30.

Kulsharipov, M. M. 2011. *Istoriya bashkirskogo naroda*. Sankt-Peterburg: Nauka. 4. (In Russ.).

Voropanov, V. I. 2011. *Regionalnyy faktor stanovleniya sudebnoy sistemy Rossiyskoy imperii na Urale i v Zapadnoy Sibiri (poslednyaya tret' XVIII-pervaya polovina XIX vv.): istoriko-yuridicheskoye issledovaniye*. Chelyabinsk: Chelyabinskiy institut. (In Russ.).